

Тверская 9, 13 - 2004 - 12 авг. - с. 8

ЧЕЛОВЕК-РОЯЛЬ

Денис МАЦУЕВ - пианист-перформанс. Реактивен, фанатичен, куражист. Сам его выход на сцену - это вихрь, тайфун, ураган. А уж игра - это просто извержение Везувия. Лауреат трех международных конкурсов, в том числе самого престижного - имени Чайковского, лучший интерпретатор романтического репертуара и неукротимый джазмен, Мацуев сегодня - самый популярный русский пианист на планете. Ему рукоплескали короли и президенты, бедняки и шейхи, мировые идолы и скромные труженики провинции. Свидетельством мирового признания служит красноречивый факт: наряду с такими музыкантами, как Элтон Джон и Чик Кореа, Денис является официальным лицом японской фирмы «Ямаха». Достаточно сказать, что подобной чести из наших музыкантов ранее удостоивался только Рихтер.

- Денис, родная пресса нередко называет вас сибирским чудом, новым русским гением, «нашим ответом Клиберну», а западные массмедиа столь же велеречивы в своих оценках?

- Западная пресса пишет обо мне в основном тоже хорошо, хотя я и не собираю никаких статей о себе - для этого есть другие люди. Первый и последний раз я с нетерпением ожидал газетного ревью после своего концерта в нью-йоркском Карнеги-холл. И когда «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс» и другие авторитетные издания написали, что я второй Горовиц и второй Рахманинов, - все, остальное мне было уже по барабану. Эти статьи очень сильно повлияли на становление моей карьеры в Америке и Европе.

- У вас есть переводчик?

- Нет, я и сам прекрасно понимаю по-английски.

- Неужели вас действительно не интересует, что о вас пишут?

- Нет, я вовсе не возгордился, и мне в известной степени любопытно, как склоняется мое имя пресса, но на творчество и концертную деятельность это никоим образом не влияет. У меня есть несколько музыкальных критиков и просто близких людей, чьи суждения для меня куда более важны.

- Когда вы осознали, что музыка - ваша профессия?

- С четырех лет. В этом возрасте я начал играть. Дело

в том, что музыка окружала меня с самого раннего детства. Мои родители - профессиональные пианисты, мне и в голову не приходило, что где-то, в какой-то семье нет инструмента, никто не ударяет по клавишам. Так что не я выбрал свою дорогу, а она меня.

- Вы родились в Иркутске...

- ...в 1975 году. По окончании музыкальной школы и одного курса музучилища в Иркутске стал стипендиатом благотворительной программы «Новые имена», объездив под ее эгидой сорок стран мира. В 1991 году приехал в Москву и поступил в ЦМШ при консерватории, в 1999-м окончил саму консерваторию в классе профессора Доренского. В моей жизни было три международных конкурса, и на всех я побеждал: в 1993 году - в ЮАР, в 1998-м - в Париже и Москве.

- Ваш артистический взлет можно назвать просто феерическим...

- Не знаю, просто об этом не думаю. Наверное, здесь сплелось много разных факторов, не в последнюю очередь, конечно, и удачливость, везение. Еще в 1995-м я стал одним из самых молодых солистов Московской филармонии, чем тоже очень горжусь.

- Вас иногда упрекают за несколько аффектированную манеру исполнения, за то, что выходите на сцену, как шоумен...

- У меня действительно очень стремительная походка, гордая осанка. Но это уж

как говорится, что бог дал. Никакого актерствования, а тем более шутовства в моем поведении на сцене нет, все абсолютно спонтанно, все искренне. Я глубоко убежден, что в XXI веке играть так же, как в XX, нельзя. Время другое - реактивное. Любой концерт, любое публичное выступление музыканта, певца - всегда зрелище, шоу, и не надо об этом забывать. Мы работаем для зрителя, слушателя и, естественно, хотим ему понравиться, иметь успех. В противном случае надо сидеть дома и музицировать в узком кругу родных и друзей.

- Кстати, о друзьях. Я слышал, вы близко

глашал меня участвовать в своем знаменитом фестивале в Сидмонтоне. Это его собственный город в предместье Лондона. На фестиваль Уэббера приезжают обычно театральные актеры, рок-музыканты, певцы, но никогда там не было классического пианиста. Я первый, кто удостоился этой чести. Помню, играл свою стабильную программу - Шопена, Листа, Брамса, Рахманинова, Чайковского, Прокофьева... Атмосфера была столь неформальная и благожелательная, что в какой-то момент мне захотелось удивить Эндрю, и я совершенно спонтанно заиграл собственные импровизации на

знакомы с гениальным Эндрю Ллойд Уэббером...

- Да, это так. Еще когда я не был лауреатом конкурса Чайковского, он дважды при-

ти, это знаменитая история: наутро после объявления моей победы на конкурсе Чайковского он одним из первых поздравил меня факсом: «Я в этом не сомневался. Твой Эндрю». Этот листок до сих пор лежит у меня под стеклом.

- Сейчас Уэббер пишет для вас фортепианный концерт. Когда планируется премьера?

- Как только он будет закончен. В Москве я его обязательно сыграю.

- Вы объездили весь мир, и ваша любимая страна - Бразилия. Чем она вам близка?

- Своим потрясающим темпераментом, сумасшедшим ритмом жизни, эмоциональностью, женщинами, карнавалами, футболом и неукротимым оптимизмом. Несмотря на то что у них нет денег, они никогда не унывают. Вы бы видели, как принимает меня публика в Рио-де-Жанейро или Сан-Паулу, когда я на бис играю бразильские самбы, румбы, ча-ча-ча! Зажигательный карнавал начинается прямо в зале.

- А русскую и западноевропейскую классику там знают?

- Еще как! Там очень продвинутая публика.

- Кстати, у вас не было на Западе предложения поучаствовать в создании мюзикла?

- Было, и не одно. Но я пока отказываюсь: еще не наигрался как солидный классический музыкант (смеется). А в будущем, уверен, соглашусь на любой сумасшедший проект. Главное, чтобы там было поле для самовыражения.

- Каковы же ваши репертуарные пристрастия?

- Это и старинная, и современная, и романтическая музыка. Репертуар пианиста безграничен, в этом отношении нам завидуют и скрипачи, и виолончелисты, и альты... Кстати, сейчас я в одной программе исполняю все три концерта Чайковского. Это впервые в мировой практике. Моя задача - познакомить мировую публику с непопулярными, если так можно выразиться, концертами Петра Ильича. Потому что если его Второй концерт крайне редко, но все-таки играют, то Третий не играют вообще. Эту программу я уже исполнил в Будапеште, Лон-

доне, Америке, поеду с ней в Японию, а 28 декабря сыграю все концерты Чайковского в Москве.

- Привлекает ли вас авангард?

- Да, но не весь, конечно. Долгое время я вообще не понимал, что это такое. Аутентизм, додекафония, атональность были для меня просто неприемлемы. Недавно я разучил новый фортепианный концерт Родиона Щедрина, сейчас готовлюсь к двум премьерам - в Мадриде и Мюнхене - нового потрясающего концерта Кшиштофа Пендерецкого. Это, конечно, модернизм, но не жесткий, оголтелый, а с каким-то намеком на мелодию. Потому что главное в любой музыке - это все-таки мелодия.

- Можно ли купить ваши диски в России?

- До последнего времени наша страна была единственной, где они не продавались. Два месяца назад ситуация изменилась: на лейбле BMG Russia первый мой альбом наконец вышел, и у него, насколько я знаю, очень хорошие цифры по продажам. Скоро, надеюсь, выйдут и следующие три диска - три Концерта Чайковского с оркестром Федосеева, отдельно программа из произведений Петра Ильича и обязательно Шуман.

- Ваши ближайшие гастроли? Кстати, ими занимается «Ямаха»?

- Нет, «Ямаха» только возит за мной рояли по всему миру, а концертной деятельностью заправляет американская фирма Columbia Artist Management. Сейчас собираюсь во Францию, затем в Швейцарию, Венгрию, потом приезжаю в Москву, лечу в Америку, потом опять в Москву, а в сентябре поеду в Иркутск на свой собственный музыкальный фестиваль.

- Фестиваль Мацуева?

- Это подарок моему родному городу. Естественно, выступать там буду не я один. Не хочу предвосхищать событий, но скажу, что обещаю приехать Родион Щедрина, Майя Плисецкая, Государственный симфонический оркестр Марка Горенштейна, Владимир Спиваков, Елена Образцова, Георгий Гаранян и другие мои коллеги.